

Е. В. Рахилина

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ПОСЕССИВНОСТИ

«Tien et mien, — dit Lafontaine, —
Du monde a rompu le lien».

А. С. Пушкин

I

В настоящей работе речь пойдет главным образом о семантике притяжательных имен: притяжательных местоимений и прилагательных, таких, как *мой, ваш, Петин, отцов* и др. подобных. Толкование притяжательных имен целесообразно производить не изолированно, а в составе конструкции вида $P(A) + X$, где A — произвольное существительное или личное местоимение, $P(A)$ — семантически производное от A притяжательное имя, X — имя, синтаксически подчиняющее $P(A)$. Например, в сочетании *мой дом*, построенном в соответствии с данной конструкцией, $A = я$, $P(A) = мой$, $X = дом$.

Вообще говоря, конструкции такого рода могут выражать разные по своей семантической природе отношения, ср. *мой отец, твое ухо, моя книга* (= 'книга, принадлежащая мне'), *Петина футбольная команда* (= 'команда, за которую Петя играет, болеет...'), *его факультет* (= 'факультет, на котором он учится, работает...')*. Мы начнем с анализа небольшого подкласса конструкций вида $P(A) + X$, а именно, будем рассматривать пока только те конструкции, в которых притяжательность указывает либо на (обычное) отно-

* Подробнее о семантике отношений, выражаемых конструкцией вида $P(A) + X$, см., например, [1].

шение принадлежности (' X принадлежит A ', ср. *моя книга*), либо на отношение неотторжимой принадлежности (в частности, отношение родства между объектами, соответствующими A и X)*. Будем говорить, что в этом случае A и X связаны посессивным отношением.

Остановимся подробнее на одном вопросе, связанном с анализом посессивного отношения. Пусть нам задано множество субъектов посессивного отношения, или посессоров (=множество всех A), и множество объектов посессивного отношения (=множество всех X), причем некоторому элементу X_i одного множества ставится в соответствие некоторый элемент A_i другого множества. Могут ли при этом A_i и X_i находиться в отношении посессивности с другими элементами соответствующих множеств? То есть может ли при этом A_i быть посессором не только для X_i , а X_i иметь в качестве посессора не только A_i ?

Легко ответить на первую половину вопроса. Наши знания о внешнем мире позволяют утверждать, что в нормальной ситуации лицо A_i является посессором более чем для одного объекта. Сложнее обстоит дело со второй частью вопроса — она более «лингвистична»: легко представить себе язык, в котором бы различались способы выражения значений 'мой и только мой' и 'мой и еще чей-то'** . Но обратимся к русскому языку. Оказывается, что ни грамматики, ни словари русского языка ответа на этот вопрос не дают. Правда, в Словаре лингвистических терминов [3] есть статья «притяжательные прилагательные», где сказано: «притяжательные прилагательные обозначают принадлежность одному (разрядка наша) лицу или животному»***.

* О неотторжимой принадлежности в том понимании, которое имеется в виду, см. [2].

** Ср. свойственную личным местоимениям во многих языках категорию инклюзивности/экслюзивности, которая позволяет различать значения типа 'говорящий (первое лицо) + адресат (второе лицо) + 'третье лицо' и 'говорящий (первое лицо) + третье лицо, без адресата'.

*** Заметим, что ни толкование термина *притяжательной*, толкование сочетания *притяжательные местоимения*, предлагаемые в [3], подобной информации не содержат, ср.: «притяжательный (посессивный) — выражающий значение владения, обладания...»; «притяжательные местоимения указывают на принадлежность предмета говорящему или лицу, к которому обращена речь».

но: 'посессором X-а не является говорящий'. Данное обстоятельство оказывается весьма существенным при построении текста, в частности, текста-диалога. Так, диалог:

— Ты где был?

— На твоем велосипеде катался.

— У тебя что, своего нет?

был бы бессвязным, если бы употреблением местоимения *твой* не утверждался запрет на принадлежность соответствующего объекта (в нашем случае — велосипеда) говорящему*.

Подобных примеров можно привести множество. При этом оказывается, что «отрицательная» информация, необходимая для правильного построения и анализа текста с притяжательными формами, касается не только говорящего, но и слушающего. Фраза *Я пожалуюсь моей маме!* не может быть адресована ни к (родному) брату, ни к сестре, потому что, употребляя сочетание *моя мама*, говорящий утверждает не только существование женщины, с которой он связан определенными отношениями родства, но и то, что адресат не связан с ней такими же отношениями родства. Ср. еще: *Тебе понравилась новая Машина квартира?* Этот вопрос некорректен, если говорящий или слушающий являются совладельцами квартиры: *Машин X = 'X, посессором которого является Маша и, возможно, еще кто-либо', + 'говорящий не является посессором X-а' + 'слушающий не является посессором X-а'.*

Как видим, возникает на первый взгляд необъяснимая несимметричность толкований притяжательных форм:

мой X ≈ 'X, посессором которого является говорящий и, возможно, еще кто-то' + 'слушающий не является посессором X-а';

твой X ≈ 'X, посессором которого является слушающий, и, возможно, еще кто-то' + 'говорящий не является посессором X-а';

* Может показаться, что этому правилу противоречат примеры типа: (3) (отец — матери): *Полубуйся на своего ребенка!* В действительности эти примеры не только не нарушают нашего правила, но, напротив, подтверждают его: говорящий, произнося (3), хочет таким образом выразить смысл 'это твой, а не мой ребенок' (на пример, ≈ 'это твои черты характера проявляются в его поведении').

Машина $X \approx 'X$, посессором которого является Маша и, возможно, еще кто-то' + 'говорящий не является посессором X -а' + 'слушающий не является посессором X -а'.

В самом деле, почему говорящий и слушающий имеют столь явные привилегии? Может ли, например, притяжательная форма содержать «отрицательную» информацию подобного рода о каком-нибудь другом участнике ситуации? Оказывается, может, но только об участнике речевой ситуации, то есть лице, находящемся, так сказать, в поле зрения говорящего: лице, о котором говорящему известно, что оно присутствует при данном речевом акте и в любой момент может принять на тебя роль говорящего*. Например, употребление сочетания *моя родина* некорректно в присутствии соотечественника говорящего, так же как употребление сочетания *мой отец* в присутствии брата говорящего и подобное.

Следовательно, употребление притяжательных форм подчиняется гораздо более общему правилу, согласно которому

$P(A) + X = 'A$ является посессором X -а' + 'никакой отличный от A участник данной речевой ситуации не является посессором X -а'.

Так, нельзя сказать: «*Знакомьтесь — это Володин сын Митенька*» в присутствии Митиной матери. Эффект «невежливости» здесь возникает из-за того, что говорящий нарушил правила употребления притяжательных форм; сказав: «*Митенька — Володин сын*», он, тем самым, сказал: «*и никого другого из здесь присутствующих*», а значит, построил текст, не соответствующий заданному смыслу и презумпциям, имеющимся у участников диалога.

Итак, для русских притяжательных форм характерна своего рода «эксклюзивность», которая относится только к участникам данной речевой ситуации. Именно те притяжательные формы, которые образованы от имен, обозначающих участников речевой ситуации, го-

* При этом фактическое участие такого лица в диалоге может быть минимальным, вплоть до того, что оно может все время оставаться пассивным слушателем. Ср. понятие речевого акта, для определения которого существуют только два лица: говорящий и слушающий [5].

ворящему необходимо выбирать с особой тщательностью: неточность, допущенная при выборе этих притяжательных форм (в терминологии П. Грайса — нарушение коммуникативной максимы *Be relevant!* [6]) приводит к неправильности или некорректности соответствующего текста.

II

Последнее замечание наводит на мысль о том, что специального обсуждения требует вопрос о месте этой «эксклюзивности» в семантическом представлении предложения, в частности, вопрос о том, входит ли эта информация в толкование местоимения или появляется в семантическом представлении предложения благодаря специальным прагматическим правилам. По нашему мнению, решение этого вопроса в значительной степени зависит от того, насколько общий характер имеют отмеченные нами закономерности. Если бы семантическая «эксклюзивность» была свойственна, например, только притяжательным местоимениям, то не было бы никаких сомнений в том, что речь идет о правилах употребления, «извлекаемых» собственно из семантики, т. е. из толкований слов этой группы. Представляется, однако, что семантическая «эксклюзивность» свойственна далеко не только ограниченной группе притяжательных местоимений и прилагательных, рассматривавшихся до сих пор. Приведем некоторые аргументы в подтверждение этого.

1. Сказанное выше о притяжательных местоимениях и прилагательных может быть, по всей видимости, отнесено и к другим способам оформления посессивного отношения — с помощью падежных и предложно-падежных форм существительных, т. е. к притяжательным формам в широком смысле слова, ср. *отец мальчика, дом пастуха, к себе домой* и т. п.*.

Так, по современным нормам, фраза: *Как было показано в статье Петровой* невозможна в более поздней

* При этом имеет смысл говорить только о притяжательных формах в их референтном употреблении. Ср. пример нереперентного употребления притяжательной формы: *Ухо человека не способно воспринимать звуковые волны такой длины.* (О нереперентных употреблениях именных групп см. [7]).

работе того же автора (Петровой). Известно, что в подобных случаях необходима прономинализация: *Как было показано в моей (нашей) статье.** Необходимость введения местоимения возникает здесь потому, что сочетание *статья Петровой* содержит кроме утверждения: 'автор статьи — Петрова' еще и некоторый «отрицательный» смысл: 'автор — не говорящий'.

2. По-видимому, отмеченное явление касается не только посессивного отношения — сфера его действия шире. Нельзя сказать *мне не нравится твоя команда*, обращаясь к одноклубнику-болельщику, *мой факультет считается лучшим* — в присутствии сокурсника, *его родная деревня* — о земляке-односельчанине.

Особого внимания заслуживают те случаи, когда *X* — имя ситуации, а не предметное имя, как это имело место во всех предыдущих примерах. Так, предложение *Твой отъезд назначен на вторник* некорректно, если говорящий и слушающий уезжают вместе (оно возможно только тогда, когда содержащееся в нем сообщение не касается никого из присутствующих при его произнесении, кроме адресата, — см., впрочем, ниже). Таким образом, *твой* здесь, так же как и в ранее рассмотренных примерах с посессивностью, передает сложный смысл: 'ты уезжаешь и никто из участников данной речевой ситуации не уезжает вместе с тобой'. Невозможно и употребление предложения *О Наташиной свадьбе я вам сейчас расскажу*, если говорящий имеет в виду, например, свою свадьбу с Наташей (правильно в таком случае было бы: *О нашей (с Наташей) свадьбе я вам сейчас расскажу*), так как *Наташина свадьба* ≈ 'свадьба Наташи и человека, не являющегося участником данной речевой ситуации'.

Было бы, однако, ошибочным предполагать, что в этой более широкой сфере (*X* — имя ситуации) наши ограничения действуют совершенно так же, как и в случае посессивного отношения. Ср. следующие примеры:

(4) (муж—жене): *Ну что же ты не расскажешь Марии Петровне о своей свадьбе?* (Предложение вполне приемлемо, хотя наше ограничение явным образом нарушено).

* Ср. также невозможность в подобном контексте: * *Как было показано в ее статье.*

(5) (мать—сыну): *Вот, Павлик, мы и дома. Кончилось твое путешествие.* (Местоимение *твой* допустимо и в том случае, когда говорящий принимал участие в путешествии).

Правильность этих и других примеров подобного рода объясняется, видимо, иной, по сравнению с именами объектов, природой имен ситуаций. Так, в смысл сочетания *путешествие Павлика* входит не только указание на факт путешествия, но и другие компоненты, в частности, отражающие особенность личного восприятия Павликом путешествия. Поэтому в (5) возможно употребление местоимения *твое*, а не *наше*. Ср., с одной стороны, предложение *Твой отъезд назначен на вторник*, где речь идет, скорее, о факте отъезда и имя ситуации ведет себя так же, как имя объекта, и, с другой стороны, предложение *Ты знаешь, в институте только и говорят, что о твоём отъезде*, которое может быть употреблено и в том случае, если говорящий и слушающий уезжали вместе, но по каким-то причинам отъезд слушающего оказывается более важным. Здесь как бы различаются факт отъезда и его субъективное восприятие.

3. Правила употребления притяжательных имен, видимо, следует рассматривать как проявление гораздо более общих закономерностей, связанных с употреблением имен лиц в тексте. Ср., с одной стороны, предложение:

(6) *В Ленинград я уезжаю завтра* (это значит, что никто из участников речевой ситуации не уезжает с говорящим, иначе предложение неправильно)

и, с другой стороны, более сложно организованное предложение:

(7) *Ты знаешь, первое, что я подумал, когда приехал сюда...* (Это предложение допустимо, и если адресат сопровождал говорящего, но и в этом случае можно сказать, что говорящий в данный момент как бы отстраняется, он выделяет из всей ситуации приезда свой собственный приезд как событие своей жизни. Ср. пример (5)).

Таким образом, есть основания считать, что в случае с притяжательными местоимениями и прилагательными, обсуждавшимися в начале статьи, действуют законы прагматики, а не правила сочетания семантиче-

ских компонентов слов в предложении. Иными словами, точно так же, как на основании высказываний типа *Лошадь повредила переднее копыто и В гостиной холодно* слушающий (в общем случае) вправе сделать вывод, что остальные копыта лошади целы и в других комнатах не холодно, — точно также (т. е., опираясь на те же, в принципе, законы, ср. [8]) слушающий извлекает из предложений, содержащих притяжательные формы, некоторую дополнительную «отрицательную» информацию. Если принять такую интерпретацию рассмотренных в начале нашей статьи явлений, то в расширении традиционных толкований притяжательных форм уже не будет необходимости.

Интересно, что принимая этот вариант описания, мы тем самым признаем, что законы прагматики, которые, как обычно считается, имеют некоторый «размытый» характер и действуют преимущественно на уровне таких единиц, как предложение и текст, в действительности могут проникать и на более низкие уровни, определяя, например, выбор нужной местоименной лексемы, причем с очень большой степенью регулярности и обязательности.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Вольф Е. М. Некоторые особенности местоименных possessивных конструкций (иберо-романские языки). — В кн.: Категории бытия и обладания в языке. М.: Наука, 1977.
2. Рахилина Е. В. Отношение принадлежности и способы его выражения в русском языке (дательный possessивный). — НТИ, сер. 2, 1982, № 2, с. 24—30.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Наука, 1966.
4. Падучева Е. В. Семантика синтаксиса. — М.: Наука, 1974.
5. Searle J. R. Speech acts. An essay in the philosophy of language. — Cambridge, 1969.
6. Grice H. P. Logic and conversation. — In: Syntax and semantics, 3, Speechacts, N. Y., 1975.
7. Падучева Е. В. Денотативный статус именной группы и его отражение в семантическом представлении предложения. — НТИ, сер. 2, 1979, № 9.
8. Fillmore Ch. J. The need for a frame semantics within linguistics. — In: Statistical methods in linguistics, 1976, I.

* Рукопись настоящей статьи была прочитана Г. Е. Крейдлиным, Е. В. Падучевой и В. А. Плуноном, сделавшими много ценных замечаний и внесшими значительные исправления.

Статья поступила в редакцию 15 июня 1983 г.

